

Собольников Валерий Васильевич

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета, vsobolnikov@inbox.ru, Новосибирск

ГЕРОНТОПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с феноменом человеческой деструкции педагогов в образовательном пространстве. В центре внимания находятся такие проблемы как «профессиональная деструкция», геронтопсихологические особенности личности зрелого и пожилого возраста, факторы обуславливающие деструктивное поведение. Определенное внимание уделено профилактике «эмоционального выгорания» и геронтопсихологической модерации педагогов.

Ключевые слова: профессиональная деструкция, геронтологические особенности, образовательное пространство, профилактика, геронтопсихологическая модерация.

Sobolnikov Valery Vasilyevich

Doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of personality psychology, and special psychology, Novosibirsk state pedagogical University, vsobolnikov@inbox.ru, Novosibirsk

GERONTOPSICOLOGIĀ OF PROFESSIONAL DESTRUCTIVE THE PERSONALITY OF THE TEACHER IN EDUCATIONAL SPACE

Abstract. The article deals with the phenomenon of human destruction of teachers in the education space. The focus is on issues such as «professional», gerontopsihologiĭeskikh destruction of the personality of the mature and older, factors which lead to destructive behavior. Some attention paid to the prevention of «burnout» and moderation gerontopsihologiĭeskoj teachers.

Key words: professional destruction, gerontological features, educational environment, prevention, association of gerontology for moderation.

Потребность исследования феномена человеческой деструкции в образовательном пространстве обусловлено разрастанием масштабом деструктивных тенденций получивших распространение по частоте и эффекту на различные категории профессорско-преподавательского состава. Декларируемое равенство педагогов на реализацию научных, методических и других устремлений сталкивается с дискриминационной практикой (например, для участия в грантах определен возраст до 35 лет). В результате, происходит исключение части научно-педагогического потенциала, что приводит к обратному эффекту невосприятия инноваций, следовательно, снижению их профессионального уровня. В итоге, реализуется процесс формирования профессиональных деструкций, что в значительной степени актуализирует рассматриваемую проблему.

Деструктивность как сложная психологическая категория предполагает наличие определенных разрушений структуры личности или отдельных ее элементов, а деструктивное поведение, следовательно, разрушительное поведение, отклоняющееся от психологических норм, обуславливающее нарушение качества жизни человека, снижение уровня самооценки и критичности к своему поведению, а также эмоциональные нарушения, когнитивные искажения восприятия и понимания происходящего [2, с. 115-116]. Проявление, при этом, социальной дезадаптации личности вплоть до полной изоляции приводит к снижению или утрате способности выполнять профессиональные обязанности представителями предельных возрастных групп. В этих случаях целесообразно использовать термин «профессиональные деструкции».

Очевидно, под профессиональной деструкцией следует понимать разрушение, изменение или деформацию структуры личности педагога в образовательном пространстве. Оно происходит в результате «постепенного накопления изменений сложившейся структуры деятельности и личности» [4, с. 149], что оказывает негативное влияние на личностный потенциал и эффективность педагогического труда. В России принята возрастная периодизация онтогенеза человека, где возраст мужчин 36-60 лет, а женщин 36-55 лет подпадает под зрелый возраст 2. Далее, следует пожилой возраст (мужчин 61-74 и женщин 56-74). При этом, в период с 35 до 45 лет имеет место кризис середины жизни, возрастает частота депрессий, суицида, зависимых форм поведения. Тема смерти в этом возрасте становится актуальной от 30% до 70 %. Затем выделяется постпродуктивный возраст, а выход на пенсию воспринимается как кризис. В этот период фиксируются состояния непсихического уровня в виде личностных реакций (например, возрастноситуационная депрессия; ипохондрическая фиксация на недугах; бредоподобные идеи о притеснении; вымыслы с горделивыми идеями собственной значимости; навязчивом морализировании; противопоставлении прошлого настоящему; преувеличении заслуг своего поколения и др.)

Многие исследователи [3, с. 59-60] подчеркивают, что границы между возрастными периодами носят условный характер, а рубежи сдвигаются под влиянием морфологических изменений организма, здоровья человека и по ряду других причин. Необходимость рассмотрения проблемы взаимосвязи возрастных изменений и формирования профессиональных деструкций, а также факторов их влияния очевидна. Немаловажное значение приобретает проблема определения путей возможной оптимизации психологического комфорта.

Анализ имеющейся литературы позволяет выделить ряд исследований проведенных Л. Кесельманом и М. Мацкевич [4, с. 10], которыми изучены признаки старения, факторы снижающие производительность труда и формирующие профессиональные деструкции. Результаты полученные В. П. Санатиным и Т. В. Смирновой на базе Центра социальных исследований «РОСС-XXI

век» при анкетировании 1200 респондентов позволили выделить факторы (возраст, доход и статус) влияния на старение. В частности, ими работы выявлена прямая зависимость интереса к жизни от возраста респондентов. Так, в группах 36-45-летних – индекс субъективного старения составил 0,2; 46-55-летних – 1,1; а среди лиц старше 55 лет – 3,5. Таким образом, просматривается тенденция снижения интереса к жизни в связи с возрастом.

На снижение интереса к жизни также влияет уровень дохода. Например, в группе с высоким уровнем дохода индекс субъективного старения по этому признаку составляет 0,2. Наличие среднего достатка увеличивает интерес к жизни до 0,5. Среди группы респондентов, относящих себя к бедным, он составил 2,8.

Одновременно, ими была выявлена зависимость изменения интенсивности общения от уровня *дохода* респондента. Так, 54% опрошенных с высоким достатком отметили увеличение числа своих контактов с людьми, тогда как среди низкооплачиваемых на это указали лишь 27%. Уменьшение интенсивности общения зафиксировано у 44% респондентов с низким уровнем дохода и лишь 4% «высокодоходных» опрошенных. Интенсивность общения зависит от того, работает человек или нет. У большинства неработающих пенсионеров (58%) снижено число контактов с людьми. Среди работающих пенсионеров таких ответов намного меньше. При сохранении спектра социальных ролей они обеспечивают тесные контакты с окружающими и более широкую коммуникативную сеть.

Итак, носителями ярко выраженных признаков старения являются менее трети представителей старшего поколения. В тоже время признаки, инициирующие возникновение и развитие профессиональных деструкций, наблюдаются не только у пожилых людей. Ряд исследователей считает что фактически уже в среднем возрасте россияне переходят на образ жизни, характерный для старшего поколения» [6]. В результате, «наличие признаков субъективного старения приводит к возникновению профессиональных деструкций» гораздо шире и выходит за пределы старшей возрастной группы.

Значимым фактором старения является также эмоциональное выгорание. Термин «синдром эмоционального выгорания», вве-

ден в научный оборот исследователем из США К. Маслач в 1970-х гг., используется при анализе профессиональных деформаций. Существует определенное число подходов к определению дефиниции «эмоциональное выгорание». Поэтому, в качестве рабочего используем определение П. Сидорова, который под эмоциональным выгоранием понимает реакцию организма на продолжительное воздействие профессиональных стрессов средней интенсивности, проявляющаяся как процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, личной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы [7]. Но, реакция защиты, приобретенный стереотип профессионального поведения, позволяющий оптимально расходовать энергетические ресурсы.

Очевидно частота эмоционального выгорания как одна из причин возникновения профессиональных деструкций в пожилом возрасте чаще всего фиксируется в образовательном поле. От педагогов предпенсионного и раннего пенсионного возраста нередко можно услышать: «Я выработался», что указывает на исчерпание ими ресурсов по причине эмоционального выгорания. Сопутствующим признаком являются депрессивные расстройства, которые становятся распространенным состоянием лиц пожилого возраста. Депрессии характеризуются утратой способности радоваться, снижением активности, чувством тревоги [1, с. 171-190], что крайне негативно влияют на качество жизни, снижая вероятность успешной адаптации в изменяющемся мире.

В контексте изложенного, проведенное нами анкетирование (по модифицированной методике В. П. Санатина) 49 педагогов работающих в ряде вузов города Новосибирска (НГАУ, НГИ, Сиб. ИУ и др.) 2009-2011 гг. чувство усталости было зафиксировано у 28% респондентов 18-35 лет и 67% для опрошенных 55-60 лет. Беспокойство в последнее время испытывают 18% молодых респондентов и 79% лиц старше 55 лет. Таким образом, наблюдается смещение баланса настроения с увеличением возраста респондентов в сторону роста негативных эмоций. Анализ явлений психологического старения и эмоционального выгорания подводит нас к выводу о сходстве, аналогичности их при-

знаков. Более того, найдено объяснение дополнительно выявленной в приведенном исследовании закономерности – зависимости наличия признаков старения от уровня дохода респондентов. Неадекватная оплата труда работника в течение длительного времени – является важным фактором, который приводит к эмоциональному выгоранию педагога.

Старение человека необратимо приводит к возникновению профессиональных деструкций. Однако границы такого влияния значительно расширены в массовом сознании, а представления о негативных возрастных изменениях в обществе имеют масштаб, трудно сопоставимый с их реальным наполнением. В тоже время, образовательное пространство жизнедеятельности педагога является основной составляющей средового его окружения, оказывающего существенное гуманитарное влияние на личности. Будучи субъектом жизнедеятельности педагог характеризуется активной позицией взаимодействия с окружающей средой посредством интериоризации ее отдельных аспектов. В эмотивно-аксиологическом плане это выражается в формировании системы ценностей, где наиболее актуальными являются ценности гуманитарного характера; в когнитивном плане – в активном присвоении средств развертывания когнитивной деятельности и формирование сферы интересов, имеющей преимущественно практическую направленность; в поведенческом плане – в технологическом опосредовании коммуникативных процессов и деятельностиных актов.

Рассмотренные сущностные характеристики позволили на основе закономерностей процесса формирования личности, выделенных А. Н. Леонтьевым, разработать модель модерации личности педагога в образовательном пространстве, отражающую средства трансформации личности, а именно: технологии, мотивационный механизм и т. д. Среди факторов определены психологические, связанные с приобщением личности к современным технологиям; актуализации когнитивных способностей личности. Указанная группа факторов детерминируют процесс трансформации личности в образовательном пространстве и оптимизируют их реализацию. Одновременно, профилактические мероприятия направленные на

предотвращение эмоционального выгорания педагогов, а также геронтопсихологическое просвещение могут иметь практическую пользу в современных условиях.

Библиографический список

1. Альперович В. Д. Психология старения // Альперович В. Д. Геронтология. Социокультурный портрет: учебное пособие. – М.: «Изд-во Приор», «Экспертное бюро», 1998. – 273с.
2. *Антропология деструктивности* (коллективная монография). – Екатеринбург: Ур. ЮИ МВД России, 2012. – 160с.
3. *Геронтопсихология: учеб. пособие.* – СПб.: Изд-во С-Петерб. Ун-та, 2007. – 247с.
4. Зеер Э. Ф. Психология профессий. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. – 244с.
5. Кесельман Л., Мацкевич М. Субъективная защищенность от насилия // «Телескоп»: наблюдение за жизнью петербуржцев. 2000. – № 4. – С. 5-12
6. Преснякова Л. В. Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // Отечественные записки. 2005. – № 3. – С. 73-79
7. Сидоров П. Синдром эмоционального выгорания / Медицинская газета, 2005. – № 43.